

НОРМА И ПАТОЛОГИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

К.В. Павлов

Белгородский государственный университет

Автор уделяет внимание поиску причин социально-экономического кризиса в России, а также проводит аналогию сегодняшнего кризиса с «великой депрессией» в США. Все причины объединяются в несколько групп: негативные факторы развития предыдущего социалистического периода, внешнеэкономические и политические, экологические факторы. Всеми этими проблемами, по мнению автора, должна заниматься патэкономика, в функции которой входит анализ кризисных состояний, производственных патологий, диспропорций. В статье говорится о необходимости развивать эту науку, находящуюся в зачаточном состоянии

Россия и многие другие страны бывшего социалистического лагеря переживают или еще совсем недавно переживали острейший социально-экономический кризис, проявляющийся в значительном спаде производства, в снижении жизненного уровня трудящихся, в росте безработицы, обнищании масс, в снижении темпов и уровня интенсификации производства и пр. Как правило, при анализе причин и факторов его возникновения указывают на социалистический способ общественного воспроизводства как первопричину, обусловившую низкий уровень экономической эффективности, причем нередко этот способ оказывается якобы единственным виновником всех бед. Ни в коей мере не идеализируя социалистическую систему хозяйствования, все же вряд ли оправданно только в этом видеть причину возникшего кризиса. Такой подход есть не что иное, как такая же идеологизация общественных процессов, какая имела место при оценке социально-экономических процессов в эпоху «развитого социализма», только с обратным знаком. На наш взгляд, таких причин множество, хотя, скорее всего, негативные моменты социалистических методов управления экономикой являются действительно важнейшей причиной возникшего кризиса, но, с другой стороны, совершенно очевидно, что и в условиях социализма эффективность общественного воспроизводства была бы существенно выше, если бы не непомерно высокие затраты в военно-промышленном комплексе и помощь, оказываемая зарубежным странам.

Учитывая высокую эффективность и стабильность капиталистического производства в настоящее время, в качестве целевого ориентира и единственно возможного пути выхода из кризиса постсоциалистического общества, в качестве единственного лекарства для излечения общественного недуга, как правило, предлагается переход к рыночным отношениям. Однако не следует забывать, что на протяжении длительной эволюции капиталистическое общество также многократно оказывалось в кризисном состоянии — и дело не только в циклических кризисах перепроизводства. Так, в истории известны периоды, когда капиталистическое общество трясло до основания. В этой связи достаточно вспомнить период «великой депрессии» 1929–1933 гг. — кризис, ничуть не меньше потрясший передовые капиталистические государства, чем кризис современного постсоциалистического общества. Более того, эти кризисы по своим качественным и коли-

чественным характеристикам во многом похожи. В самом деле: падение валового национального продукта США в период «великой депрессии» (между 1929-м и 1933 гг.) составило более 30%; уровень безработицы достигал 25% от совокупной рабочей силы страны; произошло более чем 16-кратное сокращение объема инвестиций; средний курс акций потерял более 70% своей первоначальной стоимости и т.д. Подобные цифры характеризуют и современный кризис российской экономики.

Таким образом, любая социально-экономическая система вне зависимости от типа общественного устройства попадала в кризисные состояния. Поэтому вряд ли оправданно только в принципах социалистического устройства видеть причину кризисного состояния постсоциалистического общества. Опять же, переход к рыночным отношениям (которые являются всего лишь одной из возможных форм производственных отношений), как показывают первые этапы экономических реформ во многих странах бывшего социалистического лагеря, вопреки многим ожиданиям не только не привел к улучшению социально-экономической ситуации, но кризис в результате этого только усилился (лишь время покажет, насколько переход к рынку явится действенным лекарством излечения российской экономики).

Так что вряд ли существует какая-то одна причина глубочайшего кризиса, поразившего экономику бывших социалистических стран. Причины, из-за которых она оказалась в таком плачевном положении, многочисленны. Их условно можно подразделить на несколько больших групп. К первой группе следует отнести все негативные факторы развития экономики этих стран в предыдущий, социалистический период ее развития, ко второй — факторы, обусловившие развитие кризисных явлений уже в ходе перестроечных процессов. В определенной мере целесообразно выделение еще одной группы факторов и условий, негативное воздействие которых на постсоциалистическую экономику происходит как бы извне. К этой группе можно отнести внешнеэкономические, политические и другие факторы. Не отрицая определенного самостоятельного значения данной группы объективных причин, все же отметим, что их действие всегда трансформируется сквозь призму проявления социально-экономических факторов, которые по многим компонентам и обуславливают влияние данной группы причин. В отдельную группу следует также выделить экологические факторы развития экономики страны.

Среди факторов первой группы можно выделить крайне высокий уровень физического и морального износа основных фондов. Среди причин второй группы можно назвать отсутствие цельной и глубоко продуманной политики перехода к рынку, шараханье из стороны в сторону в области экономической политики, непродуманную до конца систему налогообложения, отсутствие общей теории кризисных социально-экономических процессов и состояний и пр. В последней группе факторов среди основных можно назвать изменения в отношении цен на сырье на мировом рынке в последнее время, целую серию постигших страну стихийных бедствий уже в период перестройки и т.д.

Как уже отмечалось, целесообразно в отдельную группу выделить экологические факторы, влияющие на социально-экономическое развитие страны. Общеизвестно, что в условиях глубокого экономического кризиса в России существенно ухудшилось и состояние объектов природоохранного значения. Это выразилось в существенном сокращении выделяемых финансовых ресурсов на природоохранные мероприятия, в резком устаревании фондов экологического назначения, в существенном ухудшении экологической ситуации во многих регионах страны.

Следует, однако, еще раз подчеркнуть, что кризисное состояние имманентно присуще любой разновидности социально-экономической системы. Что касается причин возникновения любого кризиса — то их, как правило, множество, хотя, разумеется, значение и роль разных факторов неоднозначны. Вполне вероятно, что определенные кризисы связаны с действием средне- и долгосрочных волн типа волн Кондратьева, которые объясняются естественным циклом смены технологий; не исключено, что и кризис российского общества в определенной мере «обязан» этому фактору. Поэтому для того, чтобы проранжировать факторы, приведшие к кризису, и выявить наиболее значимые из них, необходимы детальные исследования. Конечно же, наряду с другими возможными факторами, важнейшей причиной современного кризиса советского общества являются социалистические производственные отношения, присущая им уравнивательность, сдерживающая развитие производительных сил (хотя не следует забывать, что социализм, понимаемый не как вся система производственных отношений, а лишь как их составная часть, точнее, как один из элементов хозяйственного механизма — как система социальной справедливости, социального обеспечения — в той или иной форме присущ любой социально-экономической системе). Важно учесть также, что попытки при директивном планомерном ведении хозяйства избежать кризисов приводили в реальности к тому, что диспропорции только на время глушились, в результате создавались предпосылки для возникновения еще более разрушительных кризисов. Таким образом, рано или поздно патерналистские отношения в тотально-огосударственной стране должны были привести к снижению эффективности и кризису экономики. Поэтому здесь требуются глубокие исследования, которые позволят по-настоящему оценить значение и роль тех или иных факторов, приведших к кризису.

Всеми этими проблемами должна заниматься новая область знания — патозкономика. Этот термин был впервые нами предложен для обозначения науки о кризисных, переходных социально-экономических процессах и состояниях, о видах и формах производственных патологий, общественных диспропорциях. Областью исследования этой новой экономической науки является анализ и классификация факторов кризиса, типологизация форм и видов кризисных состояний, всевозможных диспропорций, выявление путей и методов выхода из кризиса, анализ типов и разновидностей реформ, изучение общих закономерностей и специфических особенностей кризисных состояний, а также экономических проблем анализа чрезвычайных ситуаций. Патозкономика должна заниматься также проблемами объективной обусловленности выбора целевых ориентиров, к которым должна стремиться анализируемая система; классификацией этих целевых ориентиров; выявлением закономерностей, форм и методов перехода к новому состоянию, разработкой оптимальной стратегии перехода и пр. Иначе говоря, патозкономика — это также наука о социально-экономических реформах, об их формах и типах, о методах общественного реформирования и т. п.

Важнейшей задачей патозкономики наряду с созданием основ научной классификации заболеваний социально-экономического организма является разработка методов и поиск путей лечения различных экономических болезней. Весьма актуально определить, являются ли монетаристские методы единственным средством лечения больной российской экономики? Напомним, что во времена «великой депрессии» американскую экономику помогли вылечить кейнсианские методы государственного регулирования, поэтому нельзя без глубоких обоснований только в монетаристских методах видеть способ излечения. Опыт ряда развивав-

шихся стран, продемонстрировавших миру «экономические чудеса», — например, Южной Кореи — также лишней раз указывает на условность и зыбкость использования унифицированных рецептов стимулирования экономического развития. В социально-экономической стратегии Южной Кореи были практически воплощены идеи и рекомендации, которые на базе изучения опыта стран «второго эшелона» мирового капитализма или «государств, запоздавших в своем развитии» были сформулированы в середине прошлого века немецким экономистом Ф. Листом, а в середине XX–XIX века известным специалистом в области экономической истории А. Гершенкроном. Квинтэссенция «этих рекомендаций, учитывающих опыт Германии и России, заключается в том, что у стран, волею истории оказавшихся в положении догоняющих, нет иного способа резко ускорить темпы своего развития и занять достойное место на мировом рынке, как опора на силу и мощь государственной машины. Учитывая значение и роль государственного сектора в историческом развитии российского общества и догоняющий характер развития ее экономики, представляется, что использование такого рода рекомендаций в российских условиях не менее актуально, чем в Южной Корее. Поэтому ответ на поставленный в начале абзаца вопрос будет, скорее всего, отрицательным, на что указывают и отрицательные результаты первых этапов реформирования российского общества на основе монетаристских методов — но для более обоснованных рекомендаций необходимы глубокие патозэкономические исследования.

Несколько подробнее стоит остановиться на рассмотрении вопроса о том, почему для названия новой экономической науки предложен нами именно термин «патозэкономика». Дело в том, что кризисные явления — явления болезненные, тяжело переживаемые отдельными индивидуумами. Иначе говоря, кризис рассматривается как патология, аномалия определенное отклонение от некоего нормального состояния экономической системы. В связи с чем по аналогии с патопсихологией науку, призванную изучать экономические болезни и методы их лечения, формы и разновидности социально-экономических патологий нами и было предложено называть патозэкономикой, хотя еще раз подчеркнем, что вполне осознаем определенную условность любой аналогии, а потому не исключаем, что для новой науки будет найдено другое, может быть, и более удачное название.

Видимо, в более позднем возникновении патонаук есть своя логика, ибо для того, чтобы начать глубокое изучение отклонений от нормы, аномалий, необходимо сначала всесторонне и детально изучить нормальные процессы, хотя, разумеется, спорадически аномальные явления и раньше подвергались теоретическому анализу. Однако целенаправленного, всестороннего изучения этой группы явлений не было (поэтому в связи с развитием патозэкономки вполне возможно, что потребует радикальной корректировки, дополнения и уточнения даже теория стоимости, так как возможно, что для объяснения аномальных экономических процессов традиционные стоимостные законы не годятся, ибо такие классики теории стоимости, как А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс, изучали действие экономических законов на статистической информации, характеризующей функционирование экономики наиболее передовых стран того времени — прежде всего Англии, то есть, выражаясь языком патозэкономки, функционирование нормальной экономики, после чего действие этих законов было перенесено на все рыночные страны).

Интересно, что в последнее время аномальные процессы подвергаются все более тщательному анализу и в других областях знания — в физике, астрономии,

биологии, социологии. Возможно, в недалекой перспективе появятся новые виды патонаук, а в идеале возникнет целая система патознания. Кстати, большим методологическим упущением, на наш взгляд, является отсутствие в классификации наук, предложенной академиком Б.М. Кедровым, особого комплекса патонаук.

Но все это выходит за рамки нашего исследования, в связи с чем вернемся к проблемам патозкономики. В настоящее время эта отрасль экономики находится в зачаточном состоянии, поэтому преждевременно говорить о дифференциации патозкономики. Но со временем, когда эта наука разовьется, наверняка появятся дифференцированные отрасли патозкономики, подобно тому как в патопсихологии появились специализированные разделы. На наш взгляд, вполне реально появление таких направлений, как региональная патозэкономика, изучающая региональные патологии и территориальные особенности кризисных социально-экономических процессов, отраслевая патозэкономика, исследующая отраслевые патологии и диспропорции, аномальные явления в различных отраслях; патозэкономика предприятия, изучающая кризисные ситуации и методы их лечения на уровне основного хозяйственного звена; историческая патозэкономика, анализирующая кризисные состояния в прошлом и пр. Разумеется, патозэкономика будет опираться на достижения всего комплекса экономических наук, в связи с чем она будет оперировать сложившимся категориальным аппаратом всего комплекса, но наряду с этим в ней появятся и специфические научные термины.

Развитие патозэкономики позволит не только глубже понять различные патологии, аномальные социально-экономические процессы и явления, но и, несомненно, окажет существенное влияние на развитие «нормальной» экономики, на общую экономическую теорию, ибо, как известно, все ставшие ныне классическими теории, составляющие золотой фонд экономической науки, разрабатывались на статистической информации о функционировании наиболее передовых и развитых стран того времени. Такой подход, когда изучается развитая экономика и выявленные закономерности обобщаются, экстраполируются на всю систему, вполне был оправдан для прошлого периода развития экономической мысли, но в настоящее время он представляется недостаточно оправданным, так как необходимо изучать законы функционирования патологических систем. И дело здесь не только в теоретическом значении решения этой проблемы для всестороннего развития патозэкономики — этот вопрос имеет и большое практическое значение.

Так, в настоящее время Россия и другие страны бывшего социалистического лагеря переживают острейший социально-экономический кризис, и в качестве выхода из него предлагается взять на вооружение рыночные методы хозяйствования. Выбор такого целевого ориентира обосновывается тем, что в настоящее время многие капиталистические страны достигли высокого уровня экономического развития. Тем самым признается, что экономика развитых рыночных стран — это норма, а современное состояние экономики бывших социалистических стран — отклонение от нормы или, иначе, социально-экономическая патология. Однако с научной точки зрения совсем неочевидно, что для России и других стран переход к рынку — единственно возможный путь, по крайней мере это необходимо обосновать и в любом случае выяснить, какая хозяйственная модель в российских условиях наиболее приемлема и эффективна. Последнее связано с тем, что само понятие «рыночная экономика» не является однозначным — как известно, существует несколько весьма существенно различающихся теоретических моделей рынка: монополистическая, олигополистическая, модель свободной конкуренции (более того, реальный хозяйственный механизм капиталистических стран помимо

определенного сочетания рыночных включает, как известно, и другие формы — например, государственные регуляторы). Какая из этих моделей соответствует понятию «норма экономического состояния»? Может быть, для России в качестве целевого ориентира не подойдет ни один из известных вариантов? С другой стороны, напомним, что наиболее эффективным и действенным «лекарством» лечения рыночной экономики при кризисе 30-х годов оказались кейнсианские методы государственного регулирования. Этот же вопрос относится и к проблеме выбора в качестве нормы, отвечающей российским условиям, какой-либо национальной модели развитой рыночной экономики — ведь известно, что хозяйственные системы разных развитых капиталистических стран, несмотря на наличие общих компонентов, весьма существенно отличаются друг от друга.

Таким образом, как можно видеть, проблема определения нормы и патологии экономического состояния действительно крайне актуальна для выбора научно обоснованных целей дальнейшего развития российского общества. Особенно это актуально в свете известных неблагоприятных прогнозов развития мировой экономики, составленных с учетом предполагаемого в обозримой перспективе ухудшения условий общественного воспроизводства. Понятие нормы (так же как и патологии) вообще неоднозначно; пожалуй, самым расхожим остается для многих понимание нормы как, во-первых, чего-то среднего, устоявшегося, не выделяющегося из массы и, во-вторых, наиболее приспособленного, адаптированного к окружающей среде.

Учитывая, что по крайней мере два обстоятельства делают невозможным однозначное определение нормального и патологического — множественность социальных общностей, «социумов» и неоднородность предъявляемых каждым таким «социумом» требований — некоторые исследователи по существу отрицают наличие объективных оснований для различия нормы и патологии. Такое представление в научном плане есть не что иное, как снятие проблемы нормы, капитулирование перед ее сложностью и переход к описанию любого таксономического объекта только как особенного, уникального в своем роде. Одними из наиболее ярких представителей такой точки зрения были представители экзистенциалистского подхода.

Разумеется, понятие нормы — относительно. Это означает, что, во-первых, абсолютно нормальных систем в реальности не бывает (абсолютно нормальная экономическая система — идеальная абстракция того же типа, что применяются в физике, химии и других науках — например, идеальный газ, абсолютно черное тело и пр.), во-вторых, нормальность выявляется лишь в сравнении. Например, сомалийцам современная экономическая ситуация в России показалась бы вполне нормальной. Более того, если сравнивать показатели среднего уровня жизни в России в настоящее время и в США где-то пятидесятилетней давности, то получим вполне сопоставимые значения. Просто сейчас в России стало жить сложнее, чем лет пятнадцать назад, поэтому изменения в экономике воспринимаются как аномальные. С другой стороны, еще совсем недавно значительная часть населения планеты воспринимала советскую модель социализма не только как нормальный тип социально-экономической системы, но и как образец для подражания.

Точно так же на относительность понятия «норма» указывает и то, что для россиян английская и нидерландская экономики кажутся процветающими, тогда как на Западе широко известен феномен так называемых «английской болезни» и «голландской болезни». Так, с начала 50-х годов происходит почти непрерывное ослабление позиций Великобритании в капиталистическом хозяйстве. Она отстаёт

от конкурентов по темпам роста валового внутреннего продукта и промышленного производства.

В связи с этим в западной литературе к Великобритании нередко приклеивают ярлык «больного человека» капиталистического мира. Выделяют несколько основных причин того, что в цепи высокоразвитых государств послевоенная Англия оказалась, прежде всего в экономической сфере, сравнительно слабым звеном. Диалектика истории такова, что если в первую половину XX в. уникальная по своим масштабам всемирная система имперских связей все еще обеспечивала Англии роль и статус (наряду с США) одной из двух самых сильных в капиталистическом мире держав, то в условиях, возникших во второй половине столетия, чрезвычайно высокая степень зависимости метрополии от этой же системы оказалась ее ахиллесовой пятой. Преимущественно колониальная природа английской экономики в период развала Британской империи оборачивалась повышенной уязвимостью к радикальным переменам. Важно и то, что приоритет краткосрочного государственного регулирования над долгосрочным, характерный для английской экономики в 60–70-е годы, не только не стимулировал, но, напротив, тормозил процессы модернизации хозяйства. Огромную негативную роль сыграл и рост экспорта капитала из страны. В силу схожести по ряду параметров процессов большое значение для России имеет анализ причин «английской болезни». Таким образом, основания теорий нормы в значительной степени связаны с диалектической трактовкой категории меры. В этой области к числу самых существенных трудностей относится определение границ нормы и патологии, пределов и возможностей нормы. В отношении нашего предмета исследования это означает, что необходимо разработать качественные и количественные (причем количественные наверняка будут иметь в основном интервальную форму) параметры, характеризующие кризисные и нормальные социально-экономические состояния.